

Сергей Михайлович Соловьев

**Рассказы из русской
истории XVIII века**

Сергей Соловьев

**Рассказы из русской
истории XVIII века**

«Public Domain»

1860

Соловьев С. М.

Рассказы из русской истории XVIII века / С. М. Соловьев —
«Public Domain», 1860

«...В Москве нечего было делать Степану: здесь нельзя было поднять стрелецкого дела. Степан решился идти в Астрахань, там раздуть мятеж, поднять Поволжье за старую веру и старое платье, идти к Москве, разорять и побивать правителей государственных и офицеров, особенно иноземцев, мстя за то, что стрельцы казнены, и бить челом государю, чтобы велеть быть старой вере, чтобы немецкого платья не носить и бород не брить. У Степана был в живых еще дядя, который жил в Коломне; к этому-то дяде зашел он на перепутье и встретил полное сочувствие своему замыслу; старик был грамотный, ловкий на разного рода дела; он написал племяннику две грамотки: одна была – проезжее воровское письмо, в котором говорилось, что Степан отпущен из Коломны в Астрахань для свидания с братом; другая – подметное, возмутительное письмо: в нем говорилось, что государя на Москве нет, пошел с полками против шведов, и хотят российское государство разделить на четыре части...»

Содержание

I. Сто свадеб в Астрахани	5
II. Булавин	9
Конец ознакомительного фрагмента.	15

С. М. Соловьев

Рассказы из русской истории 18 века

І. Сто свадеб в Астрахани

Была страшная для Москвы осень 1698 года: на Красной площади, на зубцах городской стены, гнили трупы казненных стрельцов; слышались жалобные причитания женщин перед изуродованными телами мужьев, отцов и братьев. Одна из этих несчастных, поплакавши над трупами мужа и деверя, заходила вместе с сыном в дом Федора Лопухина, к человеку его Терентию Андронову. Там, в разговорах с женой Терентия, она отводила душу в жалобах, которым встречала сильное сочувствие: дом Федора Лопухина был опальный; царь Петр недавно развелся с Лопухиной, отослал ее в монастырь. «Жаль стрельцов, – говорила жена Андронова стрельчихе, – разослали их с Москвы, а теперь настала служба и новая вера, велют носить немецкое платье». Сын стрельчихи, Степан, внимательно прислушивался к жалобам женщин; у него была одна крепкая дума: отомстить за отца и дядю; но как отомстить? В ушах у него раздавались слова Андроновой: «Новая вера, немецкое платье».

В Москве нечего было делать Степану: здесь нельзя было поднять стрельцкого дела. Степан решил идти в Астрахань, там раздуть мятеж, поднять Поволжье за старую веру и старое платье, идти к Москве, разорять и побивать правителей государственных и офицеров, особенно иноземцев, мстя за то, что стрельцы казнены, и бить челом государю, чтобы велеть быть старой вере, чтобы немецкого платья не носить и бород не брить. У Степана был в живых еще дядя, который жил в Коломне; к этому-то дяде зашел он на перепутье и встретил полное сочувствие своему замыслу; старик был грамотный, ловкий на разного рода дела; он написал племяннику две грамотки: одна была – проезжее воровское письмо, в котором говорилось, что Степан отпущен из Коломны в Астрахань для свидания с братом; другая – подметное, возмутительное письмо: в нем говорилось, что государя на Москве нет, пошел с полками против шведов, и хотят российское государство разделить на четыре части.

Пришедши в Астрахань, Степан стал сближаться с людьми, которые были склоннее к старине, которые имели причины не любить нового, стал ходить к раскольникам, к стрельцам и толковать с ними о новой вере, о немецком платье, о владычестве немцев над Россией. Иные притакивали ему: «Правда, правда! все это сбудется!» Другие сомневались, противоречили Степану, но тот говорил все громче и громче, а громкое слово – страшная сила в обществе, подобном астраханскому в начале XVIII века, и вот около Степана начали собираться люди, вполне ему верившие. Так прошло несколько лет; Степан увидал, что дело подготовлено, и в июне 1705 года пронеслась площадная молва, что государя не стало, и потому воевода Тимофей Ржевский и начальные люди веру христианскую покинули, начали бороды брить и в немецком платье ходить. Распустив этот слух, Степан ушел на задний план; вперед выступили другие люди, более способные сделать из слова дело. Четверо посадских: Быков, Шелудяк, Колос и Носов стали сходиться у церкви Николы, в Шипилове слободе, и рассуждать, как бы вступить за христианскую веру; заводчиком у них был Носов. Однажды, когда они толковали о своем деле, вышел к ним пономарь Никольской церкви, Василий Беседин с книгой в руках: «Православные! – начал ученый муж, – послушайте, что написано в книге о брадобритии!» – и стал читать, какой грех брить бороду. «Пригоже, – говорил Беседин, – за это и постоять, хотя бы и умереть пришлось; вот об этом и в книге написано». В книге написано! дело кончено: чего же больше думать? Какая была эта книга, никому не пришло в голову спросить у Беседина.

С Ильина дня уже всем народом говорили о брадобритии и что надобно постоять за христианскую веру. Слухи росли, росли, и однажды на торгу кто-то объявил, что будет запрещено

свадьбы играть семь лет, а в это время все будут принуждены выдавать дочерей и сестер за немцев. «Где же немцы?» – «Идут из Казани». Когда говорилось только о брадобритии, то можно было еще толковать и ждать; но теперь ждать стало нельзя; у кого дочь была и в несовершеннолетних годах, и ту сговорили за первого попавшегося; не отдавать же за иноземца... И вот, в воскресенье 29 числа, церкви были отперты, венчали свадьбы, в один день повенчали сто пар. Но в то самое время, когда одни приготавливались идти под венец, Носов исповедовался у соборного попа, Василья Колмогора, и сказал ему, что хочет с товарищами постоять за бороду; духовник ему этого не похулил.

Свадьбы, хотя и сыгранные второпях, при печальных обстоятельствах, не могли однако обойтись без пирушек; к ночи гости охмелели. Надеясь на этот хмель и на подготовку толпы, заговорщики в четвертом часу ночи собрались у Никольской церкви в числе трехсот человек и вломились в Белый город через Пречистенские ворота; у ворот этих стоял московского полка русский офицер: Носов схватил его и заколол копьем; трое матросов-иноземцев и караульный капитан, родом грек, имели ту же участь. Загудел набат, в город сбежались стрельцы и толпы разного рода людей. Первым делом заговорщиков, увидавших успех замысла, было отыскать воеводу Ржевского; но тот успел скрыться: искали его на воеводском дворе – не нашли, бросились на архиерейский – не нашли и там; схватили на архиерейском дворе полковника Никиту Пожарского и несколько обер-офицеров, и всех перекололи.

Утром в понедельник, 30 июля, шумел круг, выбирали старшину; выбрали в атаманы Якова Носова; сыскали Ржевского, поставили на круг и убили. На третий день присяга: присягали всеми полками за старую веру и друг за друга стоять до смерти; уговаривали стрельцов, обещали дать им денег по десяти рублей на человека; посылали подговаривать бурлаков, давали им деньги из таможенных и кабацких доходов пожитки побитых делили по себе; разослали письма на Дон, Терек, Яик и Гребени, писали, что воевода и начальные люди наложили на Астрахань новые поборы, велели брить бороды, носить немецкое платье и кланяться болванам; для доказательства послали на Терек и в Гребени резной болван с личинкой, с накладными волосами.

Царь Петр находился в Митаве, когда получил весть из Москвы об астраханских событиях с дополнениями: красноярские и чернойарские стрельцы также взбунтовались, к Царицыну приступили, но были отбиты; встали терские стрельцы и гребенские казаки, на Тереке полковника Некрасова убили; воевода успел уйти из города с верными людьми, собрал к себе татар и черкес и усмирив бунтовщиков, некоторых казнил, заводчиков послал в Москву. Озабоченный трудного войной шведскою, царь отправил в Астрахань грамоту, писал, чтоб от бунта отстали и заводчиков прислали в Москву, не опасаясь гнева его величества. Посланный с этой грамотой астраханец Кисельников приехал в Астрахань 3 января 1706 года; собрался круг, грамоту приняли в кругу и послали за митрополитом Самсоном. Когда пришел митрополит, стали читать грамоту и, выслушав, пошли в церковь молебствовать за здоровье государево, стреляли из пушек. Самсон начал увещевать астраханцев, чтобы принесли повинную государю; митрополит был старик дряхлый, но у него был хороший помощник, Георгий Дашков, строитель Троицкого монастыря, присланный туда из большого Троицкого Сергиева монастыря, от которого астраханский зависел. Дашков «знатную службу показал в увещании бунтовщиков», и 13 января митрополит привел всех к присяге, причем астраханцы положили: если от этого числа кто-нибудь покажет какую-нибудь неверность, то с ним поступить по указу, чего будет достоин; выбрали восемь человек и послали с Кисельниковым к государю с повинною.

Между тем Петр, не зная, какой оборот примет дело в Астрахани, отправил туда фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева с войском. 9 марта, когда Шереметев стоял в урочище Кичибурский Яр, явился к нему архимандрит астраханского Спасского монастыря Антоний и подал письмо от митрополита Самсона и от Георгия Дашкова, который давно уже находился в переписке с фельдмаршалом; теперь Дашков писал, что в Астрахани опять смута и несогла-

сие: одни остаются верны, другие снова склоняются к возмущению, и от того между ними идет распря; Дашков просил, чтобы Шереметев поскорее шел в Астрахань.

Шереметев сперва попробовал уговорить астраханцев и послал к ним для этого сызранца, посадского человека Данила Бородулина. Посланца ввели в круг, где сидел за столом атаман Носов, который сказал Бородулину: «Здесь стали за правду и за христианскую веру, когда-нибудь нам всем надобно же будет умереть, только бы не совсем и не так бы, как теперь нареченный царь; называется он царем, а христианскую веру порушил; он уже умер душой и телом, не всякому бы так умереть». В это же время читали в кругу письмо, присланное из Черного Яра: черноморцы просили прислать силы на помощь, потому что на них идет с войском князь Петр Хованский. Когда грамоту прочли, Носов, опершись локтем на коробью и наклонясь к Бородулину, сказал ему: «Ведь мы не просто зачали; это дело великое; есть у нас в Астрахани со многих городов люди, и не одно черноморское письмо, что там в кругу прочитали, есть у нас письма из Московского государства, от столпа, от сущих христиан, которые стоят за веру же христианскую». Кто и о чем именно писал, того Носов не сказал, а Бородулин не спросил, боялся, чтоб его не убили, потому что обступили его кругом и спрашивали с великим криком. Потом Носов с товарищами, с старшинами, человек с сорок, принесли в круг хлеба, вина, пива, и Носов поднес Бородулину ковш вина; тот, взявши ковш, сказал: «Дай, боже, благочестивому государю многодетно и благополучно здравствовать!» На это отозвался один из старшин, Иван Луковников, московский стрелец: «Какой он государь благочестивый, он неочесливый, полатынил всю нашу христианскую веру». Бородулин заметил Носову: «Для чего этот старшина такие нечестивые слова говорит?» Атаман рассмеялся и отвечал: «Не все перенять, что по Волге плывет; мужик он простой, что видит, то и бредит». Но Луковников был только запевалой; ему начали подтягивать со всех сторон, кричали: «Не сила божия ему помогает, ересями он силен, христианскую веру обругал и полатынил, обменный он царь. Идти ли нам, нет ли, до самой столицы, до родни его, до Немецкой слободы, и корень его весь вывести; все те ереси от еретика Александра Меншикова». На третий или на четвертый день пришли к Бородулину на постоялый двор Носов с старшинами и потчевали его вином; Бородулин, взявши ковш, опять говорил: «Дай, господи, великому государю на много лет здравствовать!» и, выпивши, стал подносить Носову; но тот сказал: «Я про его государево здоровье пить не стану; пора вам образумиться, ведь и вы все пропали, обольстили вас начальные люди милостию, пропали вы душой и телом». Отпуская Бородулина назад к Шереметеву, Носов говорил ему: «Бог тебе помочь, поезжай; вот тебе подводы, управляйтесь с князьями и боярами, а в городах с воеводами, а на весну и мы к вам будем».

Между тем фельдмаршал приближался к Астрахани. На Волге, против урочища Коровьи Луки, за 30 верст от города, увидел он пеструю толпу, идущую к нему навстречу; впереди шли Воскресенского монастыря архимандрит Рувим и Георгий Дашков, за ними стрелецкие пятидесятники и десятники, потом армяне, индейцы, бухарцы, юртовские татары, человек с сорок. Шереметев объявил им, что государь их простил, но чтоб они вины свои заслужили. На 11-е марта фельдмаршал пришел ночевать на Долгий остров, в десяти верстах от Астрахани; сюда ночью приехали к нему бурмистры и донесли, что они ушли из Астрахани, где стрельцы волнуются и не хотят пускать его в город. Шереметев придвинулся еще ближе, стал на Балдинском острове, в двух верстах от Астрахани, и послал к ее жителям последнее увещательное письмо. Ответа не было, а пришли дворяне с вестью, что астраханцы зажгли слободы, перебрались в город, расставили и зарядили пушки, собрали гуляющих людей, роздали им ружья и порох и написали между собою письмо, чтобы стоять всем вместе.

Шереметев немедленно отправил полк в Ивановский монастырь, чтобы спасти от пожара его и магазины с провиантом, бывшие подле монастыря; а 12-го марта приехал сам в монастырь; астраханцы осаждали его здесь, кинули три бомбы, но были отбиты. Между тем подошли остальные полки и начали строиться. Астраханцы сделали вылазку за реку Кутумову, но от

первого залпа побежали, покинув пушки и знамена, засели в земляном городе и начали стрелять с вала. Солдаты взяли вал приступом и гнались за астраханцами до Каменного города к самым Вознесенским воротам. Но астраханцы сильно отстреливались из Кремля. Шереметев, чтобы не трогать людей, велел полкам отступить от Кремля, поставил их в земляном городе по улицам, послал увещание к астраханцам и, для подкрепления его, велел метать бомбы из мортир в Кремль. Увещание подействовало: вечером же 12-го числа явились пятидесятники и десятники с повинною, а 13 марта вышли начальники, Яков Носов, атаман из донских казаков Елисей Зиновьев и в винах своих просили прощения. Шереметев велел им положить оружие, а печать и ключи городские отдать митрополиту. Они все это исполнили и вынесли к Вознесенским воротам топор и плаху, 13-го же марта Шереметев пошел строем в город; по обеим сторонам улицы, по которой шло войско, астраханцы лежали на земле, покорно ожидая казни или милости. У Пречистенских ворот Каменного города фельдмаршал был встречен митрополитом Самсоном и пошел в церковь к молебну. Носов с товарищами, 273 человека, были посажены за крепкий караул и потом отправлены в Москву. Усмирение бунта стоило Шереметеву 20 человек убитыми и 53 ранеными.

II. Булавин

В Астрахани смута была задавлена, ибо ее завел только один город, вставши за старину и приглашая встать за нее и других, приглашая казаков без указания на другие, более побудительные причины. Приглашение астраханцев застало всех врасплох, не были готовы, а главное, не было предводителя: обыкновенно смута на окраинах разгоралась сильно, когда начиналась у казаков, когда известный предводитель, под своим или вымышленным именем, поднимал знамя за казацкие интересы. Таково было и Булавинское восстание на Дону.

Из далеких времен нашей истории слышатся нам отголоски борьбы за право, за возможность ухода. Со стороны людей знатных много было неудовольствий и жалоб, когда само собой прекращалось право: «Боярам и слугам вольным воля». Прекращалось это право само собою, потому что не к кому стало переходить боярам и слугам вольным: один стал государь на всем государстве. В других сферах, в городах и селах, государство должно было бороться с тем же стремлением уходить, переходить и этим уходом и переходом отбывать от исполнения обязанностей, налагаемых государством. Громадность государственной области и бедность народонаселения, бедность промышленного развития, бедность, ничтожность города и преобладание села были причиной этой постоянной борьбы. Потребности государственные росли все более и более, тяжелые войны истощали казну, доходов не доставало; государство стремилось поэтому взять как можно больше податей с промышленного городского жителя, но посадским, при бедности их промыслов, платить было тяжело, и они бежали из своих городов или закладывались за сильных людей, чтоб отбывать податей, которые с большею тяжестью, разумеется, ложились на оставшихся, не говоря уже о том, как эта тяжесть увеличивалась еще московскою волокитой и злоупотреблениями воевод и приказных людей; а тут еще те, которые бежали из государства в степи и стали вольными казаками, возвратились в начале XVII века с самозванцами и литвой, но явились для жителей Московского государства, для людей, живших честным трудом, «грубнее литвы и немцев, разоряя все, и муча людей такими муками, о каких и в древние времена было не слышно».

Государство оправлялось с трудом; оно требовало средств, чтобы поправиться, но разоренные городские жители разбегались или закладывались, чтоб отбыть от податей; нужно было вести продолжительные и тяжелые войны, а ратные люди жаловались, что им жить и служить нечем, крестьяне бегут из их поместий к землевладельцам, могущим дать большие льготы, чем они. И вот, против этого стремления уйти, разбрестись розно, по тогдашнему выражению, государство принимает свои меры, оно ставит заставы, ловит беглецов, выводит их из закланничества, усаживает на одних местах, прикрепляет.

Но понятно, что такими средствами нельзя было уничтожить зла, уничтожить побегов; надобно было другое средство; оно обстояло в том, чтобы поднять труд, обогатить трудящегося человека и дать ему возможность удовлетворять требованиям государства. Но как было это сделать? Как было поднять материальное благосостояние народа, нераздельное с благосостоянием нравственным? Перед глазами были на западе Европы государства богатые, государства поморские; разбогатели они от торговли, от промышленности, от моря, от городов, которые у них так сильно развились, в противоположность государствам восточной Европы, государствам сельским по преимуществу.

В настоящее время некоторые писатели западной Европы жалуются на это усиленное развитие города в ущерб селу у них, находят здесь односторонность, вредную крайность. Мы не будем защищать никакой односторонности, никакой крайности, которая всегда вредна; но мы заметим одно, что если в западной Европе было чрезмерное развитие города, то в Европе восточной была крайность противоположная, слабое развитие города и господство села, что крайне вредило народному развитию вообще, производило эту отсталость восточной Европы

перед западной, бедность, застой жизни народной. Понятно, что народ русский, как народ исторический, способный к развитию, должен был чувствовать эту страшно вредную односторонность в своей жизни и, чтобы дать ей большую правильность, стремиться к уравниванию начал. Это стремление высказалось уже давно в лучших людях, высказалось как главное стремление правительства. Приобрести морской путь и усилить промышленность, торговлю, приобрести то, чего было так много на западе Европы и недоставало на Востоке, уничтожить вредную односторонность, отнять у России характер чисто сельского государства и дать надлежащее развитие городскому началу – стало задушевною мыслию исторических деятелей, задушевною мыслию величайшего из них, которого по преимуществу называют преобразователем; в страстном стремлении Петра к морю высказалось стремление исторического народа к тому, чего именно недоставало ему для продолжения исторической жизни, и что условило такое блестящее развитие западноевропейских народов. Приобрести море, усилить город, промышленность, торговлю, сделать свой народ богатым и через то доставить государству средства к беспрепятственному достижению своих целей, дать народу средства, умение сделаться богатым, то умение, которым в этом отношении отличались западные европейцы, заставить, выучить народ работать, промышленять, торговать так, как это делали иностранцы – вот программа деятельности Петра Великого. Но выполнение этой программы требовало новых тяжких пожертвований со стороны бедного народа, который хотели сделать богатым или выучить, как сделаться богатым. Чтобы приобрести море, прежде всего нужно было вести тяжелую, продолжительную войну. «Денег как можно более доставать, ибо деньги суть артериею войны», – предписывал Петр новоучрежденному своему Сенату. Это доставание денег для войны и доставание людей для трудной военной службы тяжело падало на народ, и вот начинается усиленное бегство в степи, к казакам для отбывания от тяжелой службы и податей! Но преобразователь менее всякого другого был способен хладнокровно смотреть на это отбывание от службы и податей, смотреть, как у него вырываются из рук средства для выполнения его программы.

В конце 1707 года он отправил полковника князя Юрия Владимировича Долгорукого с командою на Дон отыскивать беглецов и высылать на прежние жилища. Долгорукий отыскал уже 3000 беглых; но в это время между казаками начала ходить грамота с увещанием не допускать Долгорукого до исполнения его наказа и бить сыщиков. Начались волнения, и бахмутский старшина Кандратий Булавин нечаянно ночью напал на отряд Долгорукого и истребил его вместе с предводителем. Впоследствии брат убитого, князь Василий Владимирович Долгорукий, спрошенный о причинах мятежа, прямо отвечал обвинением старшины Войска Донского, атамана Лукьяна Максимова с товарищами: «Атаман Лукьян Максимов с товарищи, отправив брата моего и дав ему четырех человек из старшин для будто изволения Его Величества указу, послали помянутые воры указ на Бахмут к атаману тамошнему Булавину, чтоб он брата убил, а их воровской умысел для того был закрывая свое воровство, что многие тысячи людей беглых приняли, и умысел их воровской был такой: когда брата убьют, то тем воровство их закрыто будет и, видя в то время его величество в войне великой со шведом, рассудили, что за помянутую войною оставлено их воровство будет».

Но если бы даже и Петр, за войной, хотел оставить это дело, то не хотел оставлять его Булавин. Чтобы выгородить себя, старшины хотели заковать его и отослать для розыска; но Булавин, по привычной для казака дороге, бежал с Дона в Запорожье. Дело, казалось, этим кончилось; но 8-го февраля 1708 года, киевский воевода, князь Дмитрий Михайлович Голицын получает от ахтырского полковника Федора Осипова донесение, что Булавин, вышедши из Сечи, с большою силой стоит на реке Вороной, ниже Кодака. Гетман войска запорожского, Иван Степанович Мазепа, немедленно отправил в Сечь запрос, что это там такое делается? и получил успокоительный ответ, что из Коша с Булавиным никто не пошел, что его самого в Сечи нет, и когда приходил, то с бесчестием был отпущен, и если опять придет, то его немедленно пришлют к гетману. Но Булавину уже не нужно было опять приходиться в Сечь.

Знамя было уже поднято, предводитель явился, и по всей Украине пошли «прелестные» письма нового Разина: «От Кондратя Булавина и всего съездного войска, походного донского, в русские города начальным добрым людям, также в села и деревни посадским и всяким черным людям челобитье: ведомо им чинят, что они всем войском единодушно вкупе в том, что стоять им со всяким раденьем за дом пресвятой богородицы и за истинную веру христианскую, и за благочестивого царя, и за свои души и головы, сын за отца, брат за брата, друг за друга и умирать за одно; а им, всяким начальным добрым людям и всяким черным людям всем также с ними стоять вкупе за одно, и от них они обиды никакой ни в чем не опасались бы, а которым худым людям, и князьям, и боярам и прибыльщикам и немцам за их злое дело отнюдь бы не молчать и не спускать ради того, что они вводят всех в эллинскую веру и от истинной веры христианской отвратили своими знаменьями и чудесы прелестными; а между собою добрым начальным, посадским и торговым и всяким черным людям отнюдь бы вражды ни? какой не чинить, напрасно не бить, не грабить и не разорять, и буде кто станет кого напрасно обижать или бить, и тому чинить смертную казнь; а по которым городам по тюрьмам есть заключенные люди, и тех заключенных из тюрем выпустить тотчас без задержания; да еще им ведомо чинят, что с ними казаками запорожские казаки и Белгородская Орда и иные многие орды им казакам за душами руки задавали в том, что они рады с ними стать заедино. А с того их письма списывать списки, а подлинного письма отнюдь бы не потерять и не затаивать, а будет кто то письмо истеряет или потаит» и они того человека найдут и учинят смертную казнь. У того письма доходного войскового атамана Булавина печать.

Булавин рассылал свои грамоты с Хопра из Федосеевской станицы. 18 марта явился в Тамбове, Тамбовского уезда, села Княжова, церковный дьячок и рассказывал: «Был я в Пристановском городке; воры говорят, чтоб им достать Козловского воеводу князя Григория Волконского; Булавин идет к нам, тамбовцам, с силою; при нем 17000 войска; а с другой стороны ждут они каракалпаков; намерение воровское – собравшись всем, идти в Черкасск; воры говорят: дело нам до бояр, да до прибыльщиков, да до подьячих, чтобы перевести их всех». Запорожцы и калмыки уже начали разорять деревни в Тамбовском уезде, грозились идти к Тамбову и к Туле, а у тамбовского воеводы Данилова не было 594 и ста человек войска; он послал повестки, чтобы шли все в город для осадного сиденья; но никто не пошел; между тамбовцами слышались речи: «Что нам в городе делать? не наше это дело!» Воевода велел бить в набат, палить из пушек; по набату пришло в город городских людей с 300 человек; воевода обрадовался, роздал им порох и свинец; пошли все в церковь к молебну; но еще не кончили молебен, как в городе не было уже ни одного человека из получивших свинец и порох.

Около Булавина на Хопре сталпливалось все более и более народу: много приставало к нему по охоте, иных брали неволей: из Федосеевской станицы пристали к нему человек с 30, да товарищ его Лучка Хохлач прибрал к себе на Бузулуке человек с 300; начались уже и казни подозрительным и непокорным, в верхних городах Булазин троим велел отсечь головы. Пристановский городок на Хопре с 500-ми казаков взял сторону вора, который велел силою забрать в свою шайку рабочих, готовивших на Хопре лес в отпуск Азову; начальные люди их были побиты. В Пристановском городе был у казаков круг; пришел Булавин, вынул саблю и говорил: «Если своего намерения не исполню, то этою саблей отсеките мне голову». В хоперские городки разослал он грамоты, чтобы никто не пахал и хлеба не сеял и никуда не отлучался, чтобы все были в собрании и к службе готовы, а пришлых с Руси людей принимали безозвратно. Мятеж ширился; степная половина Тамбовской области пустела: волостные люди с своими пожитками убирались в леса за Цну реку. Как обыкновенно бывало в подобных случаях, лучшие люди стояли за правительство, объявляли, что они к бунту не склоняются, требовали, чтобы воеводы шли с полками немедленно к Пристановскому городку, дабы поддержать тех казаков, которые пристали к Булавиному поневоле. Но где было взять полков воеводам царским, тогда как полки и союзники Булавина увеличивались час от часу? Жители деревень Тамбов-

ского уезда Корочина, Грибановки, склонились к воровству, выбрали между собою атаманов и есаулов расправу чинить по казачьей обыкности. Воры разорили новонаселенные деревни в Тамбовском уезде по реке Вороне, людей, которые им противились, побили, другие пристали к ним волей и неволей. 30 марта 200 человек воров прошло на Битюг, засели острог, воеводу, попа, подьячих и лучших людей разграбили, воеводу держали в оковах и собирались повесить. Зашатался Козловский уезд: воры многих здесь склонили в свое согласие, привели к присяге, выбрали атамана и есаулов.

Наконец обнаружилось движение и со стороны правительства. Воевода Степан Бахметев с одною старинною дворянскою конницей переправился за реку Битюг и 28 апреля, на речке Курлаке, встретился с ворами, которых было 1500 человек из хоперских, медведицких и бузулукских городков; атаманом у них был товарищ Булавина Лукьян Хохлач. Воры толковали: «Если побьем полки, то пойдем на Воронеж, тюремных сидельцев распустим, а судей, дьяков, подьячих и иноземцев побьем». После упорного боя войска правительства разбила воров и гнали их на 20 верстах, взяли в плен 143 человека, три знамени. Но дальнейших успехов ожидать было нельзя: у Бахметева не было ни драгун, ни солдат, не было ни пушек и никаких полковых запасов, не было лекаря, и раненные гибли без помощи. Бахметев получил «прелестное» письмо, в котором уговаривали его быть заодно с булавинцами, стоять за веру христианскую, а им, булавинцам, нет дела ни до бояр, ни до торговых людей, ни до черни, ни до солдат, только им нужны немцы-прибыльщики.

В то время как Бахметев, по печальному состоянию своего отряда, не мог воспользоваться победой над Хохлачом, Булавин торжествовал над войсками правительства. Азовский губернатор Толстой выслал против него полковника Николая Васильева, который, соединившись с донским атаманом Лукьяном Максимовым, 8 апреля встретил Булавина выше Паншина, на речке Лисковатке, у Красной Дубровы. Полковник и атаман хотели немедленно вступить в бой; но казаки верховых городов стали говорить, что надобно переслаться с казаками Булавина, надобно разузнать дело, доискаться, кто же виноват? Атаман Лукьян Максимов говорит, что Булавин сам собою затеял бунт, а Булавин клянется, что атаман прислал ему грамоту, в которой приказывалось убить князя Долгорукого; если окажется, что Булавин на самом деле виноват, то пусть казаки его выдадут, если же виноват Лукьян Максимов, то обоих сковать и отослать к великому государю. На другой день, 9 апреля, пришел от Булавина казак и говорил, чтобы кровопролития не начинать, а сыскать виноватых между собою, да чтоб атаман Максимов отправил к Булавину на разговор старшину Ефрема Петрова. Петров отправился и, возвратившись назад, созвал казаков в круг, чтоб отдать отчет в своем посольстве; но в то время как казаки толковали в кругу, а царский полковник стоял спокойно, надеясь, что дело кончится без битвы, Булавин напал на войска правительства жестоким боем, верховые казаки немедленно изменили, соединились с ворами и вместе с ними обратили свои ружья на царские полки, которые потерпели поражение, оставили в руках Булавина четыре пушки, порох, свинец и 8000 рублей денег. Лукьян Максимов ушел к Черкасску, полковник Васильев к Азову. Победители дуванили добычу: досталось по два с гривной на человека.

Но важнее добычи было впечатление, произведенное в казацких городках вестью о победе при Лисковатке: весь Хопер, Бузулук и Медведица отложились и начали собираться около Булавина: по Хопру было 26 городков, в них 3670 человек казаков; по Бузулуку 16 городков, в них 1490 человек; по Медведице 14 городков, в них 1480 человек; пристали к Булавину 10 городков от Донецкого городка (на Северном Донце) до Голубинского, в них 6900 казаков; пристали 33 городка от Голубинского до Черкаска, в них 6470 человек; за Максимова стоял главный город Черкасск с 5000-ми жителей, да по Дону 5 городков с 1780-ю человек. Северный Донец с 12 городками и 1680 человеками жителей весь отложился и начал собираться около булавинского полковника Семена Драного.

После сражения при Лисковатке Булавин отправился вниз по Дону к Черкасску, и поход его был торжественным шествием: сопротивления нигде не было; охотники приставали к нему толпами, и число булавинского войска дошло до 15000 человек; казаки из станиц вывозили с каждого двора по хлебу да по чаше пшена, а иной привозил всякий запас и живность. 28 апреля Булавин осадил Черкасск; суток с двое Максимов со своими приверженцами отстреливался от осаждающих, но безуспешно: Рыковская, Тютерева и Скородумовская станицы сдались Булавину, сдались и на Черкасском острове станицы Дурная и Прибылая, мосты по-прежнему сделали, а между тем из Черкаска приезжали в воровские полки для разговоров двое братьев, Василий Большой да Василий Меньшой Прздеевы. Разговоры эти кончились тем, что в Черкасске положили выдать Булавину атамана Лукьяна Максимова и старшин Ефрема Петрова, Абросима Савельева, Никиту Соломату, Ивана Машлыкина. 1-го мая отправился в Черкасск Игнатий Некрасов, взял Лукьяна Максимова с товарищами, отвел в Рыковскую станицу и развел по избам за крепкими караулами.

Булавин стоял за Рыковскою станицею на Бугра; сам он не двигался с места, а для всяких дел в Черкасск, Рыково и Скородумову станицу рассылал беспрестанно Некрасова и Драного; близ Скородумовой станицы шумели круги, толковали об участии Максимова с товарищами и наконец решили и приговорили: атамана и старшин побить до смерти. Но прежде еще исполнения приговора привели Максимова и Ефрема Петрова в круг, приехал Булавин и велел их бить плетью, допрашиваясь денег и пожитков. 6 мая собрались для казни: атаман Максимов молча положил голову на плаху; но Ефрем Петров сказал: «Хотя я от вас и умру, но слава моя не умрет; вы этот остров такому вору отдали, а великому государю остров знатен, реку великий государь всю очистит и вас, воров, выведет». Булавина не было при казни.

На место Максимова атаманом был выбран Булавин. Новый атаман писал государю, что собрались казаки по Дону, Донцу, Хопру и Медведице для перемены и выбора новых старшин, пришли в Черкасск и убили до смерти атамана Лукьяна Максимова и старшину Ефрема Петрова с товарищи за их неправды, за то, что они не давали в дуван царского годового жалованья, не дали 20000, присланных за астраханскую службу, и 10000, присланных в нынешнем году. Тут же Булавин бил челом, чтобы жену его и сына из Валуек отпустили к нему в Черкасск. Казаки послали от себя грамоту, в которой также прописывали вины Максимова с товарищи: «Царского жалованья в дуван не давали; множество новопришлых с Руси людей принимали и о займке юртов без нашего войскового ведома письма давали и за те письма многие взятки себе брали; по твоему государеву указу не одних пришлых с Руси людей, но множество и старожилых казаков, которые пришли лет двадцать тому назад и больше, всех неволею в Русь высылали, ради бездельных своих взяток в воду сажали, по деревьям за ноги вешали, женщин и младенцев между колод давили и всякое ругательство чинили, городки многие огнем выжгли. Князя Юрия Долгорукого убил не один Кондратий Булавин, убили его с общего ведома, потому что у розыска поступал не по твоему государеву указу; от тебя, великого государя, мы никуда не откладываемся, твоих украинских городов не разоряли и отнюдь разорять не будем; желаем тебе служить по-прежнему всем войском донским и всеми реками всеусердно. И чтобы твои полководцы к городкам нашим не ходили, а будет они насильно поступят и какое разоренье учинят, в том воля твоя: мы реку Дон и со всеми запольными реками тебе уступим и на иную реку пойдем».

Понятно, что ни угроза оставить Дон, ни уверение в готовности служить после «преlestных» писем Булавина и движений в степных областях государства не могли произвести выгодного для казаков впечатления на правительство. В тот самый день, как Булавин осадил Черкасск, Петр назначил брата убитого мятежниками Долгорукого, князя Василия Владимировича, главным начальником войск, отправленных против Булавина; предписал, чтобы все украинские воеводы были ему послушны. Но судьба Булавина решилась еще прежде прибытия Долгорукого. Как всегда, так и теперь, казачье общество делилось на две стороны: казаков

старых, домовитых, которые хотели сохранять крепкую связь с государством, и казаков молодых, новых или голутвенных (голи, голытьбы), этого сброда со всех сторон, ненасытных искателей зипунов, которых самые деятельные товарищи Булавина Голый, Дранный были полными представителями по имени и на деле. Старые казаки уступили на время толпам Булавина, но они были твердо уверены, что предсмертное пророчество Ефрема Петрова исполнится. Уже в первых числах мая казаки начали советоваться, как бы схватить Булавина и переслать в Азов. У самого Булавина и его приверженцев вовсе не было крепкой надежды сладить с войсками правительства; мы видели, что в грамоте к царю они грозили не сопротивлением, а бегством, и действительно 19 мая получены были вести с Дона, что Булавин хочет бежать на Кубань, куда отправил письмо к Гуссейн-паше, что если государь их не пожалует против прежнего, то они от него отложатся и станут служить султану; а султан бы государю не верил, что с ним в мире: государь и во время мира многие земли разорил, также и на султана корабли и всякий воинский снаряд готовит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.